

DOI: 10.31857/S086919080011172-6

КИТАЙ: ПРЕОДОЛЕНИЕ КРИЗИСА

© 2020

А.И. САЛИЦКИЙ^а, Н.К. СЕМЕНОВА^б

^а – Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, Москва, Россия;
ORCID: 0000-0001-6134-768X; sal.55@mail.ru

^б – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия;
ORCID: 0000-0001-7872-8972; semenovanelli-2011@mail.ru

Резюме: На рубеже второго и третьего десятилетий нынешнего века вновь наблюдается ухудшение мировой экономической динамики. Некоторые эксперты полагают, что кризис будет не только циклическим, но и системным, т.е. затрагивающим основы миропорядка неолиберальной глобализации. За десятилетие глобализация породила мощные силы «деглобализации» – снижения роли внешних факторов в мировом экономическом развитии. Ситуация в начале 2020 г. усугубилась мировым экономическим обвалом вследствие санитарных мер, принятых в ведущих странах мира из-за пандемии коронавируса, а также резких колебаний на фондовом рынке США и обвала нефтяных цен.

Проводя политику экономических санкций и злоупотребляя ею, в том числе в торговой войне с Китаем, США ускоряют дробление глобального экономического пространства. Деглобализация в полной мере проявилась и в Китае, никогда не упускавшем из сферы своего внимания важность независимости и опоры на собственные силы. Несмотря на снижение роли внешних факторов в своем развитии, сам Китай от глобализации не отказывается. Страна уже развернула инициативу «пояса и пути» как альтернативу гиперглобализации. Соотношение между открытостью и опорой на свои силы в Китае трактуют диалектично: открытостью укреплять способность опираться на собственные силы, опираясь на свои силы, еще шире открывать экономику.

Новая роль Китая в мировых и региональных делах сочетается с привычной манерой двусторонних и многосторонних консультаций. Представляется, что именно эта страна способна в ближайшем будущем дать благоприятные импульсы хозяйству соседей. Предпосылки этого – имеющийся опыт преодоления кризисных ситуаций в регионе, масштабы китайского хозяйства и некоторые его особенности. Сейчас главным в повестке дня стало преодоление экономического спада, вызванного жесткими мерами борьбы с эпидемией. Разнообразные меры, предпринимаемые китайским руководством, вызывают теперь не меньший интерес, чем дальнейшая судьба глобализации.

Ключевые слова: КНР, опора на собственные силы, деглобализация, пандемия, кризис, преодоление.

Для цитирования: Салицкий А.И., Семенова Н.К. Китай: преодоление кризиса. *Восток (Oriens)*. 2020. № 5. С. 161–171. DOI: 10.31857/S086919080011172-6

CHINA: OVERCOMING THE CRISIS

© 2020

Alexander I. SALITSKY^а, Nelli K. SEMENOVA^б

^а – Institute of World Economy and International Relations, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-6134-768X, sal.55@mail.ru

^б – Institute of Oriental Studies, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-7872-8972, semenovanelli-2011@mail.ru

Abstract: At the turn of the third decade of this century, the global economic dynamics is again deteriorating. The crisis is likely to be not only cyclical, but also systemic. Over the decade, globalization has stopped, and a new trend coined as “deglobalization” started – a decrease in the role of external factors in the world economic development. The situation at the beginning of 2020 was aggravated by the global economic collapse due to sanitary measures taken in the leading countries of the world due to the coronavirus pandemic.

Deglobalization fully manifested itself in China, which never lost sight of the importance of independence and self-reliance. China pretends to keep globalization going on – taking into account emerging problems and the necessary adjustments. The country has already launched the Belt and Road initiative as an alternative to hyperglobalization. The relationship between openness and self-reliance in China is interpreted dialectically: openness in order to strengthen the ability to rely on one's own forces, relying on one's own forces, in order to open the economy even wider.

The new role of China in world and regional affairs is combined with the usual manner of bilateral and multilateral consultations. It seems that this particular country is capable of giving favorable impulses to the economy of its neighbors in the near future. Now the main thing on the agenda is to overcome the economic downturn caused by tough measures to combat the epidemic. The various measures taken by the Chinese leadership are now not less interesting than the further fate of globalization.

Keywords: China, self-reliance, deglobalization, pandemic, crisis, overcoming.

For citation: Salitsky A.I., Semenova N.K. China: Overcoming the Crisis. *Vostok (Oriens)*. 2020. No. 5. Pp. 161–171. DOI: 10.31857/S086919080011172-6

К середине 2020 г. стало очевидным, что значительная часть мирового хозяйства погружается в рецессию. Причины ее многообразны: это и циклические факторы, и системные проблемы либеральной глобализации, в частности гипертрофия финансового сектора, и конфликт США с Китаем, и падение цен на углеводороды, и пандемия коронавируса, охватившая планету в начале 2020 г. Ситуацию усугубляли шаблонные действия регулирующих структур западных стран и ряда международных организаций, явная некомпетентность отдельных лидеров и политические потасовки между ними. На этом общем фоне экономическая ситуация во многих странах Азии, в том числе Китае, выглядела значительно лучше, несмотря на немалые проблемы, вызванные общей обстановкой в мире. Более того, несмотря на значительный спад экономики в первом квартале 2020 г., Китай к середине лета, как мы считаем, выйдет на траекторию роста и начнет оказывать стимулирующее воздействие на страны-партнеры, включая участников масштабной инициативы «пояса и пути» (ИПП).

Это не первый случай, когда китайское хозяйство успешно противостоит кризисам. Что объясняет высокую жизнестойкость китайской экономической системы? Велика ли ее зависимость от внешних факторов? Ответить на эти вопросы важно еще и потому, что в начале 2020 г. бурные события в мировой экономике и политике заставили многие страны пережить непростые времена из-за событий, находящихся вне сферы их контроля. Попробуем ответить на эти вопросы, начав с вопроса о зависимости китайского хозяйства от внешних факторов.

ЭКСПОРТ И ЗАМЕЩЕНИЕ ИМПОРТА

Выступая весной 1986 г. на сессии ВСНП, тогдашний премьер Госсовета Чжао Цзянь призвал к тому, чтобы производить в стране все что возможно и максимальному замещению импорта. Известный исследователь китайского хозяйства Н. Ларди нашел эти призывы китайского руководителя «паразитическими» [Lardy, 1987, p. 44–45]. Между тем для китайских

реформаторов принцип опоры на свои силы был отнюдь не предрассудком прежних времен. «В Китае долгое время делается акцент на самообеспечении, это не только государственная политика, но и естественный ход вещей, обусловленный реальностью. Независимо от того, какими в будущем будут темпы роста, внутри страны будет создаваться подавляющая часть ее национального продукта. Ни спрос на иностранные капиталовложения, ни зависимость от внешних рынков не вырастут до слишком высокой степени. Китай потому опирается и будет опираться на собственные силы, что в этом – гарантия стабильного и поступательного хозяйственного развития» [*Essays...*, 1986, p. 153].

В современной практике торговли Китая с зарубежными странами легко найти примеры естественности опоры на свои силы для сверхкрупной страны. Так, в 2019 г. в Китае из-за падежа свиней вследствие эпидемии создалось напряженное положение на рынке свинины, и улучшить его за счет внешних поставок было непросто – из-за огромного масштаба китайского спроса. Это вызвало новые перекосы, например, импорт свинины из Бразилии, не решив кардинально ситуации в самом Китае, привел к значительному повышению цен на внутреннем рынке латиноамериканской страны.

Сегодняшняя ориентация на конструктивный диалог с зарубежным бизнесом не меняет базового подхода Пекина, обозначенного еще в середине 1980-х гг.: «В целях быстрого развития всех звеньев производства и строительства... активно развивать экономическое сотрудничество и технический обмен с зарубежными странами на основе неуклонного претворения в жизнь принципа независимости и самостоятельности, опоры на собственные силы, равенства и взаимной выгоды, соблюдения договоренностей» [*The Third...*, 1985, p. 25].

Имея перед глазами примеры успешной реализации соседними странами и территориями хозяйственных стратегий ориентации на экспорт, китайские реформаторы учли специфику своей огромной страны, для которой такой путь был недостаточен. Поэтому во внешнеэкономической стратегии Пекина огромную роль сыграло замещение импорта – планомерное, комплексное и тщательное. Страна выбрала путь специализации прибрежных регионов на экспортной ориентации, сопрягая ее развитие с остальным массивом хозяйства, который оставался средоточием капиталоемкой и ресурсоемкой индустрии, работающей на внутренний рынок.

Со временем творческое проведение в жизнь принципа опоры на собственные силы привело к образованию на территории Китая крупнейшей и наиболее диверсифицированной промышленной системы в мире. Она способна сохранить потенциал развития даже в условиях полуизоляции, а «развитие связей с внешним миром, – как писали китайские стратеги реформы, – предполагает еще большее расширение связей между различными районами внутри страны» [*The Third...*, 1985, p. 27]. Внутренний рынок, естественно, выручает КНР и на этот раз, как и превосходная транспортная и информационная инфраструктура, созданная в начале XXI столетия.

Желание и умение производить все самое необходимое внутри страны, используя, разумеется, зарубежные достижения, прочно встроено в менталитет китайских бизнесменов, а в условиях напряженных отношений с отдельными западными странами оно еще более усиливается. Опора на собственные силы по ходу своей эволюции приобрела много формулировок и уточнений: «создание относительно целостной промышленной системы», «гочаньхуа» (локализация производства). Последние пару лет в Китае популярно слово «гохо», обозначающие местные престижные потребительские товары, не уступающие лучшим зарубежным образцам.

Необходим и еще один исторический экскурс, чтобы понять фундаментальные различия во внешнеэкономической политике Китая по сравнению, например, с политикой

РФ. В середине 1980-х гг. КНР в основном экспортировала сырье, около трети вывоза составляла нефть. Но уже тогда в Китае твердо решили не мириться с таким «сравнительным преимуществом», в дискуссиях родилось выражение «замещение экспорта»: под ним и соответствующей политикой понималось неуклонное снижение вывоза за рубеж товаров сырьевой группы (необходимых и внутри страны) с постепенной заменой такого экспорта продукцией более высокой степени переработки.

Под знаком развития экспорта при значительной опоре на капитал зарубежных китайцев прошли последнее десятилетие XX и первое десятилетие XXI в. В тот период немалое развитие получило участие Китая в глобальных цепочках создания стоимости (ГЦС), нередко со специализацией китайской стороны на не самых выгодных стадиях изготовления продукции. Широко распространилась практика давальческих (толлинговых) операций, они составляли на рубеже веков более половины вывоза КНР. Ее пытались улучшить локализацией, т.е. максимально полным изготовлением продукции за счет связей с местными китайскими предприятиями-субподрядчиками.

Создание практически полноотраслевой и хорошо координированной промышленной и научно-технологической системы в Китае шло менее заметно и постепенно, при опоре на централизованную систему направляющего планирования хозяйственной работы крупных предприятий. В этой системе важные роли играют Государственный комитет по развитию и реформам, Госкомитет по науке и технике, а также Министерство коммерции. Венчает пирамиду Народный банк Китая, который, согласно закону, подчинен правительству страны и обязан согласовывать с ним основные параметры денежно-кредитной политики. Целью этой политики является «поддержание стабильности денежного обращения, и, таким образом, содействие экономическому росту» [Law..., 2003, chapter 3].

Контроль над финансовой системой страны осуществляет созданный в 2003 г. Комитет по регулированию банковской и страховой деятельности.

На разных отрезках истории хозяйство Китая взаимодействовало с мировой экономикой с разной мерой интенсивности. После вступления КНР в ВТО в 2001 г. подхваченный общей волной глобализации экспортный сектор страны развил необыкновенную динамику, страна, казалось, сливается с мировой экономикой: столь плотными становились потоки товаров, капиталов и людей, связывающих ее с остальным миром. На мировой арене утверждались первые китайские ТНК, зарубежные корпорации торопились закрепиться в уже весьма отдаленных от побережья районах Китая, обрастая тысячами контактов и связей с быстро набиравшим силу местным бизнесом. Но при этом буквально на глазах регионы страны связывала современная, с размахом создаваемая инфраструктура. Без особых натяжек первое десятилетие нового века – вплоть до глобального финансового кризиса (ГФК) – можно было назвать китайской эйфорией, лишь слегка подпорченной обвалом на фондовом рынке Китая в 2007 г.

Преодолев последствия ГФК массовой закачкой кредитов в ведущие отрасли металлургии и машиностроения, Китай во втором десятилетии века столкнулся с новым кругом проблем. Вследствие стагнации спроса на рынках старых индустриальных центров теряла перспективность экспортная ориентация. И уже при новом руководстве страны центр тяжести экономической стратегии стали переносить на внутренний спрос. Разумеется, внешние рынки не были забыты, на их дальнейшее освоение и развитие были сориентированы инициатива «пояса и пути» (ИПП), принятая в 2013 г., а также поддержка экспорта капитала из страны и формирование китайских ГЦС. Важным направлением работы на внешних и внутренних рынках стала либерализация, т.е. упрощение процедур хозяйственной деятельности для государственных, частных и прочих структур.

ДЕГЛОБАЛИЗАЦИЯ

Второе десятилетие нового века в целом прошло под знаком снижения роли внешних факторов в мировом экономическом развитии. Эта тенденция получила название «деглобализации», впервые попавшееся нам на глаза еще в небольшой статье В. Белло в связи с обсуждением путей развития азиатских стран после кризиса 1997–1998 гг. [Bello, 1999, p. 61].

В середине минувшего десятилетия указанное понятие стало периодически мелькать в научной литературе, что было легко объяснить слабой конъюнктурой и падением стоимостных объемов мировой торговли в 2015–2016 гг. И хотя благоприятный для внешней торговли и иностранных инвестиций 2017 год несколько улучшил картину, на рубеже десятилетий «деглобализация» стала относительно распространенным термином [Witt, 2019, p. 1053–1055]. О «кризисе глобализации» к тому времени также уже много писали [Diamond, 2019].

Можно сказать, что деглобализация в полной мере затронула или, лучше сказать, проявила Китай, никогда не упускавший из сферы своего внимания важность независимости и опоры на собственные силы. Для сравнения роли внешних факторов в экономическом развитии этой страны мы взяли статистические данные КНР за 2008 и 2019 гг. Отношение товарного экспорта к ВВП в 2008 г. составило 32%, в 2019 г. этот показатель понизился до 17%. Сравнивая эти показатели, нужно иметь в виду, что не весь экспорт (в отличие от ВВП) представляет собой добавленную стоимость, поэтому на самом деле его роль в хозяйстве еще ниже. В качестве еще одного индикатора мы выбрали отношение притока прямых иностранных инвестиций (ПИИ) к объему инвестиций в основные фонды. Здесь также наблюдается довольно заметное снижение показателя: с 4.2% в 2008 г. до 1.7% в 2019 г.

Можно проиллюстрировать деглобализацию в Китае и еще одним примером: в 2008–2019 гг. при примерном одинаковом курсе юаня к доллару номинальный ВВП страны увеличился в 3.3 раза, а экспорт – в 1.7 раза. Еще один важный показатель деглобализации хозяйства Китая можно извлечь из таможенной статистики страны: доля товаров с импортными компонентами в вывозе страны в 2008 г. составила более 50%, а в 2019 г. – менее 30%.

Причины деглобализации в мировой экономике многообразны и связаны с опережающим ростом менее глобализированной (в отличие от промышленности) сферы услуг, со сдвигами в международном разделении труда, отношениями между старыми индустриальными центрами и разношерстной, но в целом куда более самостоятельной периферией, овладевшей плодами индустриальной и информационной революции. Для нашей темы важно то, что Китай не только стал ведущей промышленной державой, но и в изрядной мере поднатерел в сфере услуг, в том числе в информационно-коммуникационных технологиях (ИКТ), придав еще более независимый и деятельный вид своей экономической системе. С нее есть смысл брать пример другим участникам мирового хозяйства. Кроме того, внутренний рынок в Китае продолжает расширяться, и многие зарубежные корпорации берут на вооружение лозунг «Делать в Китае для Китая» и в результате уже немногим отличаются от представителей местного бизнеса.

Деглобализация в известной мере – закономерная реакция на «гиперглобализацию», начавшуюся в 1980-е гг. [UNCTAD, 2019, p. iii] и широко развернувшуюся в мировом хозяйстве после распада СССР. Она принесла с собой финансовую нестабильность, социальную поляризацию, неспособность национальных правительств адекватно отвечать на новые и старые глобальные вызовы – будь то экономические кризисы, терроризм или деградация окружающей среды, а также произвол транснациональных институтов. Деглобализация в этом смысле – потенциальная политическая революция, возвращающая на свои места

дееспособные национальные правительства, способные, помимо прочего, поставить заслон диктату глобалистов и на равных вести диалог с ТНК, ТНБ и международными финансовыми институтами. Правовой основой экономического возрождения государств могли бы быть документы ООН, принятые в 1970-е гг., в частности, «Хартия экономических прав и обязанностей государств», принятая в 1974 г. Заметим, что именно на этот документ нередко ссылались в Китае в ходе отражения торговой агрессии со стороны США в последние годы.

Пример Китая активно используется экспертами ЮНКТАД для критики глобалистского наследия в виде чрезмерных долгов домохозяйств, государственных и частных структур, а также немалой маржи, которую приходится уплачивать развивающимся и «переходным» государствам при размещении за рубежом своих активов, с одной стороны, и получении западных кредитов, с другой, – здесь чемпионами по «щедрости» числятся Россия и Казахстан. Подчеркивается на примере Китая принципиальная роль государственных банков (как коммерческих, так и политических) для решения фундаментальных проблем развития. Авторы доклада ЮНКТАД активно атакуют антигосударственные идеи Ф. Хайека и призывают к новым международным договоренностям в духе Бреттон-Вудских соглашений для ограничения глобальных финансовых монополий и возрождения разумных и сильных правительств [UNCTAD, 2019, p. i, viii, 121–122, 149].

Справедливости ради нужно заметить, что, несмотря на снижение роли внешних факторов в своем развитии сам Китай от глобализации не отказывается, более того, считает полезным дальнейшее ее проведение – с учетом возникающих проблем и необходимой корректировкой. Страна уже развернула ИПП, во многом альтернативную гиперглобализации, ведет активную экономическую дипломатию на разных направлениях, располагает немалыми мощностями для выпуска высококонкурентоспособной продукции, включая оборудование, необходимое для создания основ экономической самостоятельности в странах-партнерах. Соотношение между открытостью и опорой на свои силы в Китае трактуют диалектично: открытостью укреплять способность опираться на собственные силы; опираясь на свои силы, еще шире открывать экономику.

Однако дискуссии вокруг глобализации в сегодняшнем Китае временно отошли на второй план. Весной 2020 г. главным в повестке дня стало преодоление экономического спада, вызванного жесткими мерами борьбы с эпидемией. Разнообразные меры, предпринимаемые китайским руководством, вызывают теперь не меньший интерес, чем дальнейшая судьба глобализации.

ПРЕОДОЛЕНИЕ СПАДА

В 2019 г. темпы роста китайской экономики снижались довольно быстро. В первом квартале прирост ВВП составил 6.4%, во втором – 6.2%, в двух следующих кварталах прирост составил 6.0%. Помимо внутренних причин, на ухудшение экономической динамики негативно влияли, прямо и косвенно, тарифные барьеры, энергично возводимые администрацией Трампа, а также американские санкции против китайских корпораций и чиновников. В итоге годовой показатель экономического роста оказался значительно ниже, чем в предыдущие годы (табл. 1).

Отметим, что тринадцатая пятилетка (2016–2020) планировалась в Китае как период интенсификации экономического развития, сокращения избыточных производственных мощностей и умеренного роста инвестиций в народное хозяйство. К трем сложнейшим проблемам страны в докладе премьера Ли Кэцзяна на сессии ВСНП в марте 2019 г. были вновь отнесены вопросы чрезмерных долгов и финансовых рисков, бедности и окружающей среды – эти вопросы входят в трехлетнюю программу действий правительства.

Таблица 1

Прирост ВВП, инвестиций и производительности труда 2016–2019 гг., %

Показатели	2016	2017	2018	2019
ВВП	6.7	6.8	6.6	6.1
Инвестиции в основные фонды	7.9	7.0	5.9	5.1
Производительность труда	6.4	6.7	6.6	6.2

Источник: данные ГСУ КНР.

Очевидно вместе с тем, что темпы падения прироста ВВП также были признаны тревожным сигналом. Поэтому уже в сентябре 2019 г. НБК начал стимулирование экономики. Последовательно, с небольшим шагом, снижались ставки по основным типам кредитов, а также понижалась норма резервирования для банков. Стимулирование экономики усилилось с началом эпидемии, банки предоставляли, в частности, льготные кредиты производителям медицинского оборудования, защитной экипировки и т.п.

Последний раз снижение кредитной ставки для первоклассных заемщиков крупнейших банков проводилось 20 апреля 2020 г.: ставка процента по годовым кредитам была понижена с 4.05 до 3.85%. Ставка пятилетних кредитов под залоги также понизилась – до 4.65%.

Помимо этого в декабре 2019 г. министерство финансов одобрило выпуск провинциями первой порции специальных облигаций для финансирования строительства инфраструктуры общей стоимостью примерно 140 млрд долл., в 2020 г. их выпуск решили продолжить. В апреле 2020 г. печать сообщила о предварительном утверждении нового выпуска объемом 325 млрд долл. Руководство НБК при этом предостерегает от использования кредитов на «надувание» сектора недвижимости.

Обсуждается вопрос о снижении ставок налогов для тех, кто получает от 5 до 50 тыс. юаней в месяц (курс доллара равен примерно 7 юаням), и повышении ставок для миллионеров и миллиардеров.

Здесь стоит заметить, что Китай – одна из немногих стран, в которых доля труда в добавленной стоимости в последние полтора десятилетия росла [UNCTAD, 2019, p. vi]. Сокращался и разрыв между располагаемыми доходами крестьян и горожан: с 3.5 раз в 2008 г. он уменьшился до 2.5 раз в 2019 г.

Судя по принятым к маю 2020 г. мерам, в Пекине решили пока не прибегать к сверхкрупной закачке денег в экономику. Пока же были увеличены государственные расходы, в том числе адресная помощь наименее обеспеченным слоям населения, применяются льготные кредиты производителям медицинского оборудования, отсрочки по выплатам налогов, арендной платы, погашению долгов банкам и т.п. Продолжилась либерализация условий работы в Китае иностранного капитала, в том числе на финансовых рынках. В то же время решено, что от перехода к полной конвертируемости юаня по счетам движения капитала Китай пока воздержится.

В нынешней политике пока заметно важное отличие от преодоления грозившего экономике спада в 2008–2009 гг. за счет очень крупной кредитной накачки. Ее китайские экономисты впоследствии окрестили «орошением большой водой». Помимо позитива накачка имела ряд долгосрочных негативных последствий в виде «пузырей» и «плохих долгов. Дискуссии среди экономистов о возможности повторении аналогичного крупного маневра, впрочем, не утихают. Тем временем проводится работа по выявлению нецелевого использования денег, выделенных на борьбу с эпидемией и ее последствиями, сотни чиновников понесли ответственность за перерасход средств, ревизоры минфина проверяют банки на предмет законности предоставления льготных кредитов.

Пока известно, что главным ориентиром при преодолении спада в хозяйстве, как отмечалось в докладе премьера страны Ли Кэцзяна на заседании правительства 12 марта, будут не темпы роста, а решение проблемы занятости [Likèqiáng, 2020], позднее ключевое значение этого параметра в экономической политике страны на ближайшую перспективу подтвердил и Си Цзиньпин.

Сокращение ВВП Китая в первом квартале 2020 г. составило 6.8%. Значительно ослаблен инвестиционный тонус экономики: за четыре месяца года сокращение капиталовложений в основные фонды составило 10% к предыдущему году. Есть, впрочем, и хорошие новости: в апреле 2020 г. экспорт Китая вырос на 3.5% в годовом выражении (за первый квартал года сокращение экспорта составило 13.3%). Этот результат в немалой мере достигнут за счет переориентации производства на изготовление и экспорт средств для борьбы с пандемией.

Так, в 2018 г. мировое производство защитных масок составило около 9 млрд шт., основным их производителем был Китай. Только за февраль 2020 г. китайские предприятия нарастили выпуск этой продукции в 12 раз – до 120 млн шт. в день. За месяц с небольшим (с 1 марта по 4 апреля) в Китае проверили и поставили за рубеж почти 4 млрд масок, 38 млн комплектов защитных комбинезонов, 2.4 млн шт. инфракрасных термометров, 8 млн защитных очков. До 4 млн в день было доведено производство тестирующих COVID-19 устройств [Coronavirus..., 2020].

Пока в Китае еще только идет разработка дополнительных мер стимулирования экономики. В этом, наверное, есть смысл, если сравнивать такой подход с гигантскими вливаниями денег в экономику, сделанными в старых индустриальных центрах. В Китае же после победы над эпидемией появилось время для более точного анализа обстановки внутри страны и за рубежом, оценки эффективности уже принятых мер, их адресной ориентации и т.п. Есть возможность организационно подготовить и оперативно провести мероприятия, которые будут признаны целесообразными на сессии ВСНП и в последующих решениях власти.

Можно с уверенностью прогнозировать скорую, хотя и постепенную, стабилизацию китайской экономики, для этого у страны достаточно опыта, резервов и необходимых кадров. Для китайцев к тому же теперь совершенно не характерно кризисное мироощущение, не покидающее многих представителей делового мира стран Запада, усугубляя и без того тревожное положение дел в экономике. Уверенность в собственных силах не в последнюю очередь базируется на привычке к самообеспечению, прочно укоренившейся в национальном менталитете.

ТОРГОВЛЯ И РАЗВИТИЕ

Экономический спад негативно отразился на внешнеэкономических связях КНР. Несмотря на упомянутое выше улучшение ситуации в апреле, в целом за четыре месяца 2020 г. сокращение экспорта страны составило 9%, чуть меньше пострадал импорт (табл. 2). Особенно значительным оказалось снижение экспорта в развитые страны, прежде всего США. Чуть менее глубоким было падение торговли со странами ЕС, еще меньше сократился товарооборот с Японией и Республикой Корея.

В то же время улучшились по сравнению с предыдущим годом показатели внешней торговли КНР со странами АСЕАН (они теперь стали главным торговым партнером Китая) и Тайванем. По-видимому, определенную роль в такой переориентации торговых связей страны сыграло перемещение некоторой части экспортных предприятий в указанные государства и территории из-за стремления обойти таможенные тарифы, возведенные в США на китайском направлении. Впрочем, такое движение началось еще до начала торговой

Таблица 2

**Торговля КНР с отдельными партнерами в январе–апреле 2020 г.,
млрд долл., %**

	Экспорт млрд долл.	Импорт млрд долл.	Экспорт в % к 2019 г.	Импорт в % к 2019 г.
Всего	678.2	620.0	–9.0	– 5.9
ЕС (27)	102.8	74.0	–9.1	–8.9
США	100.4	36.7	–18.2	–5.9
АСЕАН	106.0	87.2	1.0	4.9
Япония	43.3	52.0	–4.9	–4.8
Гонконг	71.8	2.0	–12.5	–32.4
Республика Корея	33.3	52.1	–6.1	–8.1
Тайбэй, Китай	17.6	54.2	7.1	5.1
Россия	13.1	20.4	–9.1	7.0
Индия	18.7	5.1	–17.0	–17.9

Источник: ГСУ КНР, stats.gov.cn.

войны Трампа против Китая и диктовалось поиском китайскими предпринимателями более дешевой рабочей силы.

Не менее важным фактором сравнительно благоприятного состояния торговли Китая с АСЕАН является наличие зоны свободной торговли, созданной в 2005 г., а также уплотнение сотрудничества между сторонами в связи с реализацией ИПП. Китайская инициатива стала улицей с многосторонним движением: так, в 2019 г. прямые инвестиции из стран «пояса и пути» в китайскую экономику выросли на 36% и составили 8.4 млрд долл. Китайские прямые вложения в страны «пояса и пути» (15 млрд долл.), хотя и сократились на 4% (при этом произошло отрадное для принимающих стран увеличение доли обрабатывающей промышленности), зато на 10% – до 98 млрд долл. вырос объем завершенных Китаем подрядных работ. Интересно, что к инвестициям в страны «пояса и пути» в 2019 г. активно подключились предприниматели Хайнаня, объем их вложений за год вырос в 70 раз (!) и достиг 2.4 млрд долл. [China's..., 2020]. Важно также и то, что инфраструктура ИПП используется для двусторонних и многосторонних операций без участия самого Китая, стимулируя экономическую активность на обширных пространствах Евразии. Согласно проведенному летом 2019 г. опросу китайских частных предпринимателей, участвующих в ИПП, 55% производимых ими товаров и услуг предназначались для местных рынков, 35% – для китайского и столько же реализовывалось на рынках третьих стран. При этом 83% опрошенных выражали оптимизм по поводу судьбы своих проектов, более половины начинаний уже приносили прибыль [Over 80%..., 2019].

Положительную роль в развитии связей Китая с АСЕАН сыграли совместные действия по борьбе с эпидемией. С февраля 2020 г. проводились регулярные консультации министров АСЕАН и Китая по этим вопросам, 14 апреля 2020 г. состоялся видеосаммит лидеров формата АСЕАН+3, на котором было объявлено о предложении Азиатского банка инфраструктурных инвестиций открыть специальный счет для борьбы с вирусом с начальным капиталом в 5 млрд долл. Китай также пообещал странам АСЕАН поставить 100 млн медицинских масок и 10 млн защитных костюмов – в качестве грантов и на коммерческой основе.

Важным направлением строительства информационной инфраструктуры ИПП станет распространение сетей 5G, соответствующие контракты подписаны уже с 47 странами в Европе и 27 – в Азии. В 2020 г. ожидается, что будет продано 170 млн смартфонов нового поколения, о необходимости ускоренного внедрения таких сетей Госсовет КНР объявил в

феврале. Только в первом квартале 2020 г. было 24 млн смартфонов 5G – против 19 млн шт. за весь предыдущий год.

Немалая роль в обеспечении ИПП современной инфраструктурой отведена и навигационной системе BeiDou, которая будет полностью обеспечена орбитальной группировкой из 55 спутников весной 2020 г.

Преображение КНР в полноправный центр силы с точки зрения технологической, финансовой и индустриальной мощи существенно расширяет поле для маневра деловых кругов соседних стран. Важнейший фактор регионализации – способность Китая и других азиатских лидеров снабжать своих соседей существенно более дешевыми средствами производства, чем те, что производят страны Запада. К тому же, в отличие от старых промышленных центров, Китай демонстрирует устойчивые и высокие темпы роста, повышая привлекательность своего внутреннего рынка. Центристская роль Китая в мировых и региональных делах сочетается с привычной манерой двусторонних и многосторонних консультаций [Rowley, 2020]. Заметим, что пока остается в силе договоренность о создании к концу 2020 г. Всестороннего регионального экономического партнерства (RCEP) в составе 15 стран: государств АСЕАН, Китая, Японии, Республики Кореи, Австралии и Новой Зеландии. Этот формат может стать важным инструментом продвижения торговли и развития в нынешней непростой ситуации.

Снижение роли внешних факторов в экономическом развитии (деглобализация), ярко проявившись в развитии Китая в минувшем десятилетии, сделало еще более привлекательными многие давние черты устройства этой страны и ее внешнеэкономической политики. Поднебесная стала еще меньше зависеть от внешних факторов и даже при неприятных раскладах сил за рубежом будет более свободна в выборе своей политики и корректировке стратегии – если она понадобится.

Наступивший мировой кризис еще более усилит деглобализацию и может создать новые возможности для Поднебесной и ее партнеров. В силу сохраняющейся высокой нормы накопления в Китае его индустриальный капитал будет искать сфер приложения за рубежом и, весьма вероятно, будет особенно активен в странах ИПП, где он не подвергается дискриминации, подобной той, которую он уже испытывает в США и некоторых других западных странах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Bello W. The Answer: De-Globalize. *Far Eastern Economic Review*. 29.04.1999. P. 61.
- China's Hainan Sees Surging Investments in B&R Countries in 2019. *People's Daily*. 31.03.2020. <http://en.people.cn/n3/2020/0331/c90000-9674632.html> (accessed: 01.04.2020).
- Coronavirus: China Says It Has Sold Nearly 4 Billion Masks Abroad. *Straights Times*. 05.04.2020. https://www.straitstimes.com/asia/east-asia/coronavirus-china-says-it-has-sold-nearly-4-billion-masksabroad?cx_testId=20&cx_testVariant=cx_5&cx_artPos=3#cxrecs_s (accessed: 15.04.2020).
- Diamond P. The Crisis of Globalization: Democracy, Capitalism and Inequality in the Twenty-First Century. *Policy Network*. February, 2019. Pp. 5–12.
- Essays on World Affairs in the 1980's. Beijing, 1986.
- Lardy N. *China's Entry into the World Economy*. New York, London: University Press of America. 1987.
- Law of the People's Republic of China on the People's Bank of China – 2003. <http://www.lehmanlaw.com/resource-centre/laws-and-regulations/banking/law-of-the-peoples-republic-of-china-on-the-peoples-bank-of-china-2003.html> (accessed: 20.01.2020).
- Likèqiáng: Yuè shì yù dào kùn nán jiù yuè shì yào kuòdà gǎigé kāifàng. [Li Keqiang: The More Difficulties We Encounter, the More We Need to Expand Reform and Opening Up] http://www.gov.cn/premier/2020-03/12/content_5490395.htm (accessed: 15.03.2020) (in Chinese).

Over 80% of Chinese Firms in BRI Optimistic on Future. *China Daily* 21.11.2019. <http://www.chinadaily.com.cn/a/201911/21/WS5dd61439a310cf3e35579007.html> (accessed: 21.11.2019).

Rowley A. Why China – Not the US – Remains Key to Asia's Trade and Economic Recovery after Covid-19. *South China Morning Post*. 27.04.2020. <https://www.scmp.com/comment/opinion/article/3081509/why-china-not-us-remains-key-asias-trade-and-economic-recovery> (accessed: 28.04.2020).

The Third Plenary Session of the 12th CPC Central Committee Approves Economic Reforms. Beijing, Foreign Language Press. 1985.

UNCTAD. *Trade and Development Report 2019: Financing a Global Green New Deal*. https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/tdr2019_en.pdf (accessed: 25.03.2020).

Witt M. De-globalization: Theories, Predictions, and Implications for International Business Research. *Journal of International Business Studies*. Apr 2019. Pp. 1053–1077.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

САЛИЦКИЙ Александр Игоревич – доктор экономических наук, Главный научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, Москва, Россия.

Alexander I. SALITSKY, DSc (Economics), Chief Researcher, Institute of World Economy and International Relations, Moscow, Russia.

СЕМЕНОВА Нелли Кимовна – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва, Россия.

Nelli K. SEMENOVA, PhD (Political Science), Senior Researcher, Institute of Oriental Studies, Moscow, Russia.